
ИСТОРИЯ

A. Ю. Худавердян

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБЩНОСТИ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ И КАВКАЗА — В ДИАЛОГЕ МИРОВ (краинометрическая характеристика)

Как всякая фундаментальная наука, палеоантропология, располагающая разнообразным, многосистемным фактологическим банком данных и богатейшей теоретической базой, демонстрирует все новые и новые возможности интерпретации уже известных фактов. Это познавательное обогащение происходит как при получении новых, иногда незначительных в количественном отношении палеоматериалов, так и при изменении «плоскости» («угла зрения») анализа. Часть групп исследована и представлена автором, другие — характеризуются по публикациям. Впечатляет и ареал групп, охваченных анализом, — от Сибири, Средней и Передней Азии, Африки до Армянского нагорья, Кавказа и Европы. На основании полученной информации проведен кластерный анализ, применен также канонический, которые показали генетические сгущения этносов, векторы близких этносов или, наоборот, различий между ними. Подобные исследования дают новые аргументы также и для понимания этно- и расогенетических процессов в Евразии.

Ключевые слова: Армянское нагорье, Евразия, эпоха бронзы, краинология, этногенетические результаты.

A. Khudaverdyan

Ancient Communities of the Armenian Highlands and Caucasus — in the Worlds' Dialogs (craniometrical characteristics)

Paleoantropology like all other fundamental sciences has the diverse multisystem data bank the rich theory base and shows new and new interpretation possibilities of the facts already known. The knowledge is enriched by getting new paleomaterial, sometimes in a small quantity, and by changing of «the point of view» of the analysis. A part of the groups were investigated by the author, others are characterised basing on the publications. We are impressed by the huge area of the groups analysed — from Siberia, Central Asian and African up to Armenian highland, Caucasian and European. Claster analusis and the canonical basing on these data showed the genetic aseemblages of ethnic groups, the vectors of closeness and distinction between them. The researches of this kind give also new arguments for the understanding of ethno- and raceformation processes in Eurasian.

Keywords: Armenian highland, Eurasian, during Bronze age, craniology, ethnogenetical results.

В эпоху ранней бронзы территория Армянского нагорья представляла собой зону существования куро-араксской культуры. Археологический материал эпохи ранней бронзы свидетельствует о высокой степени развития материальной культуры этого периода. Памятники Куро-Аракса богаты металлическим инвентарем, наряду с примитивной формой предметов в большом количестве встречаются предметы довольно сложной формы — вислообушеные, трубчатообушеные и плоские топоры, копья, кинжалы, рыболовные крючки и разные украшения (браслеты, кольца и др.) [1, с. 51–54]. Неравномерно развивающаяся металлургия, скотоводство и земледелие приводили к усилению обмена и межплеменных связей. Наряду с малыми и крупными миграциями имели место медленное взаимопроникновение, диффузия населения, антропологических типов, самых различных культурных элементов. Как считает А. А. Мартиросян [9, с. 5], уже на ранних этапах развития эпохи бронзы Армянское нагорье приобретает роль своеобразного “культурного посредника” в контактах армянских и ближневосточных очагов цивилизации с северокавказскими и другими областями.

К эпохе поздней бронзы в этнической ситуации на территории Армянского нагорья произошли важные и существенные изменения. Началась очередная фаза аридизации климата, сопровождавшаяся уменьшением количества осадков, обмелением рек и озер, засухами, что должно было вызвать падение численности и продуктивности скота вследствие нехватки подножного корма и источников воды. Ухудшились условия и для занятия земледелием, т. е. засушливая фаза была губительна для обеих отраслей производящего хозяйства. Аридизация климата в совокупности с такими факторами, как давление избытка населения [16, с. 16] на производительные силы в условиях производящего хозяйства, могла стать причиной эпизодических миграций отдельных групп в поисках более благоприятных местообита-

ний. Антропологический анализ и процессы их подробной систематизации позволили создать широкие «культурно-исторические полотна», на которых пропускают многие неожиданные векторы далеких и близких взаимосвязей разнообразных археологических сообществ [28, с. 186–194; 29, с. 397–440].

Обширные степи Восточной Европы издревле привлекали различные племена как прекрасными пастбищами, так и возможностью свободного передвижения в поисках лучших угодий. В силу географического положения они связывали такие отдаленные районы, как Кавказ, Передняя и Средняя Азия, Сибирь и т. д., делая возможными наиболее тесные контакты многочисленных племен, “создание крупных их объединений, распространение на значительной территории единых культурных и близких языков” [10, с. 150]. Именно в это время происходят многочисленные передвижения племен на новые земли, подчас очень далекие, в связи с чем эпоха бронзы по праву может называться эпохой первого “великого переселения народов”. Комплексный анализ палеоантропологических изысканий позволит нам разметить пути и направления взаимодействия некоторых соседствующих этнических групп с древним населением Армянского нагорья. В краниологический анализ включено 356 серий с территории Евразии, датируемых эпохами неолита и бронзы. В их числе 41 группа из Ближнего Востока, 16 — из Центральной Азии, 36 — из Кавказа. Предкавказский и поволжский материал включает 81 серия, 10 групп из Западной Сибири. Европейских серий использовано 172. Из них 48 — из Восточной Европы и 124 — из Центральной. Данные подвергнуты каноническому анализу. Группы попарно сопоставлены с помощью обобщенного расстояния D^2 Махаланобиса. Нами была использована статистическая программа А. Г. Козинцева, Б.А. Козинцева (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, Санкт-Петербург).

Результаты межгруппового статистического анализа на широком географическом и культурном фоне демонстрируют ближайшие связи представителей Куро-Аракса Армянского нагорья с населением Украины и Поднестровья. Племена трипольской культуры из Румынии (Бильче-Злоте) демонстрируют наиближайшие аналогии с группой Чатал Хуюк. Для групп с территории Иранского нагорья (Тепе-Гиссар II, Караташ), Египта (Бадари, Нага ет-Дер, Акмант, Нагада) и Дагестана (Гинчи) также отчетливы краниологические аналогии с трипольцами [23, с. 86–89]. Можно уверенно сказать, что с неолита значительная часть Европы была заселена из Передней Азии. Мы не утверждаем, что Армянское нагорье (и Кавказ в целом) — единственный путь для таких связей. Была установлена роль Прикарпатья как связующего звена между областью трипольской культуры, Средиземноморьем и Малой Азией. Однако и Кавказ был одним из таких посредников. Антропологические данные согласуются с выводами археологов. По В. Г. Збеновичу, “трипольские племена ассимилировали энеолитическое население кавказского происхождения, продвинувшегося в Степь”, и небольшие группы ямников [6, с. 130]. В 1880 г. А. А. Русовым [15, с. 135–139] в Дагестане (Катарагач-Тепе) обнаружена статуэтка, подобная трипольским. Среди кавказских археологических коллекций Государственного Эрмитажа хранится глиняная женская статуэтка (коллекционный номер — 193) из станицы Урупской (Краснодарский край), которая также напоминает трипольские статуэтки [8, с. 109–110]. Мы должны подчеркнуть их сходство не только с аналогичными предметами трипольской культуры, но и с женскими культовыми изображениями Передней и Малой Азии: с глиняными фигурами из Алалаха [30, с. 245], со статуэтками с территории древней Анатолии и на Анау [27, с. 254]. На территории Армянского нагорья отдельные находки глиняных фигурок (Кюль-Тепе) также находят аналогии с три-

польскими [13, с. 27]. Сходство кавказских статуэток, с одной стороны, с трипольскими, с другой — со статуэтками Древнего Востока и Эгейского мира не случайно. Это снова подтверждает большие культурные и этнические связи в древности, известную роль Кавказа как посредника между древней областью распространения трипольской культуры и странами Востока.

Кавказские металлические формы изделий наводняют степь [12, с. 64; 18, с. 46–48; 14, с. 103]. Основным центром, контактировавшим со степным населением почти до середины II тыс. до н.э., был Кавказ и Армянское нагорье. Значимость кавказского металлургического центра для истории металлургии Восточной Европы была настолько велика, что степняки восприняли даже традиционные кавказские формы изделий. Специалисты выделили в истории металлургии Восточной Европы целый этап (с III тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э.) и назвали его кавказским [14, с. 104]. Нам удалось связать носителей катакомбной культуры с южными европеоидами. В комплексе морфологических признаков, который фиксируется у катакомбников Украины, преобладают антропологические особенности, свойственные группам из Северного Кавказа (энеолит-бронза, Гинчи), Армянского нагорья (суммарная серия носителей куро-аракской культуры) и Туркмении (Атынде, Карадепе, Геоксюр). Выявлены наиближайшие параллели носителей эпох энеолит-бронзы из Северного Кавказа с катакомбниками Поднепровья и Украины. Куро-Аракская суммарная мужская группа из Армянского нагорья имеет близкую параллель с катакомбниками из могильника Верхняя Тарасовка (Нижнее Поднепровье) [21, с. 56]. Выявлена параллель женской Куро-Аракской группы из Грузии (суммарная серия) с катакомбниками из Нижнего Дона. Наиближайшая связь прослеживается у носителей куро-аракской культуры Армянского нагорья с катакомбниками Калмыкии. Выявлена также ближайшая связь жен-

ской Куро-Аракской суммарной группы с катакомбниками Калмыкии. Таким образом, данные мужских и женских групп демонстрируют единообразие. На основании совпадения общих связей для мужских и женских групп можно предположить наличие магистральной линии в генезисе антропологического состава.

Следует отметить, что А. В. Шевченко [25, с. 123], рассуждая о появлении обряда искусственной деформации головы у племен катакомбной культуры, считал, что эта традиция была занесена в степи Восточной Европы из Средиземноморья скорее кавказским путем, причем через ее конкретных носителей. Если следовать гипотезе, выдвинутой и разработанной Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым [3, с. 69, 467], считающими прародиной индоевропейцев области Армянского нагорья и прилегающие территории, откуда часть племен проникала в Северное Причерноморье через Кавказ, а другая — через Среднюю Азию и Поволжье, то носителей катакомбного обряда следует отнести к той части арийских племен, которые одними из первых проникают в Причерноморские степи через Кавказ (возможно, и морским путем). Хотя исследователи связывают это движение с эпохой ранней бронзы, в данный процесс вполне укладываются и катакомбники. По последним данным Е. Н. Черныха [26, с. 44–46], ранние катакомбники датируются началом III тыс. до н.э.

Отрицать определенное участие в формировании катакомбной культуры части ямного населения нельзя (местное население почти никогда не вытесняется полностью, и какая-то часть его почти всегда входит в новую культуру). О мере этого участия можно судить по следующим данным: у носителей катакомбной культуры (Калмыкия) близка параллель с ямниками не Калмыкии, а более отдаленного региона — Украины. Выявлены также параллели катакомбников Калмыкии с племенами культур трипольской, хвалынской, ямно-полтавкинского времени. Откуда же прибыло ката-

комбное население (или его пришлый компонент)? Связать катакомбников с какой-либо определенной культурой пока не удается, но в сложении катакомбного населения действительно участвовал южноевропеоидный компонент с территории Ближнего Востока и Армянского нагорья.

Объединенная группа Куро-Аракса из Армянского нагорья демонстрирует близкие аналогии с племенами кеми-обинской культуры из Крыма. Археологи выявили сходство кеми-обинской керамики с керамикой энеолитических памятников Кавказа [14, с. 103]. Обнаружена параллель носителей культуры намазга (Туркмения) с племенами кеми-обинской культуры. Близки к носителям кеми-обинской культуры группы из Анатолии (Чатал Хююк), Грузии (средняя бронза), Ирана (Тепе-Гиссар II), Египта (Акмант, Саккара I) и Средней Азии (Пархай).

Наличие южных комплексов было зафиксировано в Поволжье и в Южном Приуралье (племена культур балановской, абашевской, синташтинской и др.) [20, с. 240; 21, с. 46]. Можно полагать, что в эпоху ранней и средней бронзы в вышеуказанные области действительно проникает население, являющееся носителем средиземноморских черт. П. Н. Третьяков [17, с. 24–25] по поводу возникновения фатьяновской культуры отмечает очень лаконично: “По Волге и ее притокам во втором тысячелетии до н.э. в окружении рыболовно-охотничьих племен появились скотоводческие племена...”. Еще В. А. Городцов [4, с. 251–272; 5, с. 19–38] связывал происхождение фатьяновской культуры с Кавказом и Малой Азией.

Результаты сравнения показывают, что племена Верхнего Поволжья (поздние фатьяновцы) близки к представителям Армянского нагорья (Шенгавит — куро-аракская культура). У суммарной Куро-Аракской группы из Армянского нагорья также выявлены близкие аналогии с поздними фатьяновцами. Вслед за М.С. Акимовой [2, с. 280], Г. Ф. Дебецом [7, с. 59] отметим, что

морфотипы фатьяновской культуры, резко отличаясь от представителей морфологического типа неолитической эпохи с той же территории, не могут рассматриваться, как генетически связанные, что свидетельствует против теории местного происхождения фатьяновской культуры на основе ямочно-гребенчатого неолита. Выявленное сходство представителей Поволжья с группами Армянского нагорья позволяет говорить, что в их основе лежал общий древний морфологический пласт. Это положение не ново — оно развивалось еще Т. А. Трофимовой [19, с. 70]. Выявлена также близость групп Иранского нагорья с племенами фатьяновской культуры [22, с. 265]. При дискриминантном анализе выборки из могильников Среднего (Баланова) и Верхнего Поволжья (носители фатьяновской культуры и поздние фатьяновцы) образуют близкий локус с группой из Киша (Иран). Так, в могильнике Баланова выступает тот же долихокранный, низкоголовый, относительно высоколицый с узким лицом и узким носом морфотип, как и у субъектов из могильника Киш. С полной отчетливостью можно отметить, что у носителей фатьяновской культуры поздней группы также выступает тот же долихокранный, узколицый, высоколицый с сильно профицированным лицом и несколько пониженным переносием морфологический тип. К отмеченным сериям близка также группа из III слоя Тепе-Гиссара, которая по всем признакам строения черепа и лица бесспорно относится к тому же морфологическому средиземноморскому типу, но отличается несколько большей широконосостью. Попутно нельзя не отметить, что группа из Сиалка (конец VI — начало III тыс. до н.э.) морфологически близка к племенам фатьяновской культуры.

Результаты межгруппового статистического анализа демонстрируют ближайшие связи представителей эпохи бронзы Армянского нагорья с носителями срубной культуры. Обнаружены ближайшие параллели племен срубной культуры из Саратовской

области, Поволжья (Лузановка, Кривая Лука) к группам средней бронзы из Закавказья (суммарная группа из Грузии и Артик). Выявлены также наименее связанные срубники Поволжья с более древним населением Армянского нагорья (культура Куро-Аракса, Чатал Хуюк), Египта (Акмант, Нага ет-Дер) и Средней Азии (культура Намазга). Результаты анализа указывают на сходство срубников Украины (погребенные из плоских могильников) с племенами Армянского нагорья (Н. Геташен), Дагестана (Гинчи), Узбекистана (Джаркутан) и Египта (Саккара III, Тибн 4). У южных европеоидов Армянского нагорья, Кавказа и Ближнего Востока выявлены 34 аналогии с племенами срубной культуры. У групп с территории Средней Азии зафиксированы 30 аналогий. Можно полагать, что в конце среднебронзового века в восточноевропейскую равнину проникает новое население — носители южноевропеоидных морфологических черт.

Специфику процессов исторического развития в западносибирском регионе определили несколько причин, среди которых следует указать благоприятные условия для присваивающего и производящего хозяйства, крупные миграционные потоки групп по открытым пространствам, многообразие этнокультурных образований и т. д. У елунинцев Горного и Лесостепного Алтая выявлена параллель с племенами куро-аракской культуры Армянского нагорья и Грузии. Племена елунинской культуры из Горного Алтая оказались в одном кластере с южными европеоидами из Иранского нагорья (Тепе-Гиссар II) и Туркмении (Пархай). Племена Армянского нагорья по комплексу краниометрических и одонтологических маркеров демонстрируют связи с носителями андроновской культуры [23, с. 49–58]. Результаты кластерного анализа указывают на родство андроновского населения Северо-Восточного Казахстана с племенами Северного Кавказа (энеолит-бронза).

Как видим, антропологический покров Евразии сформировался в ходе исключи-

тельно сложных исторических событий. Многомерный анализ позволил выявить группы, имеющие наиближайшие аналогии по комплексу краинометрических признаков с представителями южноевропеоидного населения Армянского нагорья, Кавказа, Передней и Средней Азии. Южноевропеоидная морфологическая составляющая, выявляемая в составе населения отдельных археологических культур эпохи бронзы Восточной Европы, происходит из одного

источника. Его исходным районом, или одним из промежуточных, в наибольшей степени фиксируемым с помощью палеоантропологических данных, является Армянское нагорье (и Кавказ в целом). Вскрытый нами антропологический факт имеет и историческую основу, поскольку распространение генетических признаков связано с переселением и смешением племен, сопровождающимся конкретными историко-культурными явлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абесадзе Ц. Н., Бахтадзе Р. А. Из истории древнейшей металлургии Грузии // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла. Телави — Сигнахи, 1983: Материалы I симпозиума. Тбилиси, 1987. С. 51–54.
2. Акимова М. С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры // ТИЭ, 1947. Т. I. С. 268–282.
3. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1984. Т. I, 435 с; Т. II. С. 436–1328.
4. Городцов В. А. Бытовая археология. М., 1910. С. 251–272.
5. Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1915. С. 19–38.
6. Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1974. 175 с.
7. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. ТИЭ. Т. 4. М.; Л.: АН СССР, 1948. 392 с.
8. Марковин В. И. Глиняная статуэтка из ст. Урунской // КСИИМК, 1959. Вып. 76. С. 108–111.
9. Мартirosyan A. A. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. 347 с.
10. Мернерт Н. Я. Этногенез в бронзовом веке // История СССР. Т. I. М., 1966. С. 150–178.
11. Назаров А. С. Металлообработка у племен ямной и катакомбной культур степной зоны Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (Vтыс. до н.э. — V век. н.э.). Тирасполь, 2002. С. 122–129.
12. Нечитайло А. Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1991. 112 с.
13. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Ленинград: Наука, 1949. 168 с.
14. Пустовалов С. Ж. Развитие скотоводческой экономики в Северном Причерноморье в эпоху неолита-поздней бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (Vтыс. до н.э. — V век. н.э.). Тирасполь, 2002. С. 101–104.
15. Русов А. А. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане // Труды предварительных комитетов V АС в Тифлисе, I. М., 1882. 594 с.
16. Сариниди В. И. Задолго до заратуштры (археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый Сад, 2010. 200 с.
17. Третьяков П. Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чувашгосиздат: Гос. изд-во Чуваш. АССР, 1948. 75 с.
18. Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края). Л.: Наука, 1991. С. 92–166.
19. Трофимова Т. А. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры // Советская этнография. 1949. № 3. С. 37–73.

20. Хохлов А. А. Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.: Старый сад, 2000. С. 217–242.
21. Хохлов А. А., Мимоход Р. А. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатаомбное время // Вестник антропологии. 2008. Вып. 16. С. 44–70.
22. Худавердян А. Ю. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы. Этногенез и этническая история. Ереван: Ван Арьян, 2009.
23. Худавердян А. Древнейшие общности Кавказа — в диалоге миров (антропологический этюд). Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing AG & Co. KG, 2011. 299 с.
24. Шевченко А. В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
25. Шевченко А. В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
26. Черных Е. Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3(35). С. 36–53.
27. Bossert H. Th. Alt-Anatolien. Berlin, 1942. 389 р.
28. Khudaverdyan A. Yu. Indo-Europeans migrations: the origin, moving from the point of view of anthropology // Indian Journal of Physical Anthropology and Human Genetics. V. 27. 2008. № 1–2. P. 183–200.
29. Khudaverdyan A. Yu. Migrations in the Euroasian steppes in the light of paleoanthropology data // The Mankind Quarterly (Washington), 2011 (summer). Volume LI. № 4. P. 387–463.
30. Wooley L. Alalakh. Oxford, 1955. Tabl. LV, V (AT 49/17), X (AT 47/28). 458 р.

REFERENCES

1. Abesadze C. N., Bahtadze R. A. Iz istorii drevnejshej metallurgii Gruzii // Kavkaz v sisteme paleometallicheskikh kul'tur Evrazii. Kavkaz i Jugo-Vostochnaja Evropa v epohu rannego metalla, Telavi — Signahi, 1983: Materialy I simpoziuma. Tbilisi, 1987. S. 51–54.
2. Akimova M. S. Antropologicheskij tip naselenija fat'janovskoj kul'tury // TIJE, 1947. T. I. S. 268–282.
3. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Indoevropejskij jazyk i indoevropejtsy. Tbilisi: Izd-vo Tbilis. gos. un-ta, 1984. T. I, 435 c; T. II. S. 436–1328.
4. Gorodtsov V. A. Bytovaja arheologija. M., 1910. C. 251–272.
5. Gorodtsov V. A. Kul'tury bronzovoj epohi v Srednej Rossii // Otchet Istoricheskogo muzeja za 1914 g. M., 1915. S. 19–38.
6. Zbenovich V. G. Pozdnetripol'skie plemena Severnogo Prichernomor'ja. Kiev: Naukova dumka, 1974. 175 s.
7. Debets G. F. Paleoantropologija SSSR. TIJE. T. 4. M.; L.: AN SSSR, 1948. 392 s.
8. Markovin V. I. Glinjanaja statuetka iz st. Urunskoj // KSIIMK, 1959. Vyp. 76. S. 108–111.
9. Martirosjan A. A. Armenija v epohu bronzy i rannego zheleza. Erevan, 1964. 347 s.
10. Merpert N. Ja. Etnogenез v bronzovom veke // Istorija SSSR. T. I. M., 1966. S. 150–178.
11. Nazarov A. S. Metalloobrabotka u plemen jamnoj i katakombnoj kul'tur stepnoj zony Prichernomor'ja // Drevnejshie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ja (V tys. do n.e. — V vek. n.e.). Tiraspol', 2002. S. 122–129.
12. Nechitajlo A. L. Svjazi naselenija stepnoj Ukrainy i Severnogo Kavkaza v epohu bronzy. Kiev: Naukova dumka, 1991. 112 s.
13. Piotrovskij B. B. Arheologija Zakavkaz'ja. L.: Nauka, 1949. 168 s.
14. Pustovalov S. Zh. Razvitie skotovodcheskoj jekonomiki v Severnom Prichernomor'e v jepohu neolita-pozdnej bronzy // Drevnejshie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ja (V tys. do n.e. — V vek. n.e.). Tiraspol', 2002. S. 101–104.
15. Rusov A. A. Otchet o letnih i osennih arheologicheskikh rabotah (1880) v Juzhnom Dagestane // Trudy predvaritel'nyh komitetov V AS v Tiflise, I. M., 1882. 594 s.
16. Sarianidi V. I. Zadolgo do zaratushtry (arheologicheskie dokazatel'stva protozoroastrizma v Baktrii i Margiane). M.: Staryj Sad, 2010. 200 s.

17. *Tret'jakov P. N. Pamjatniki drevnejshej istorii Chuvashkogo Povolzh'ja*. Chuvashgosizdat: Gos. Izd-vo Chuvash. ASSR, 1948. 75 s.
18. *Trifonov V. A. Stepnoe Prikuban'e v epohu eneolita-srednej bronzy (pe-riodizatsija)* // *Drevnie kul'tury Prikuban'ja* (po materialam arheologicheskikh rabot v zonah melioratsii Krasnodarskogo kraja). L.: Nauka, 1991. S. 92–166.
19. *Trofimova T. A. K voprosu ob antropologicheskikh svjazjakh v epohu fat'janovskoj kul'tury* // *Sovetskaja etnografija*. 1949. № 3. S. 37–73.
20. *Hohlov A. A. Kranilogicheskie materialy srubnoj kul'tury juga Srednego Povolzh'ja* // *Narody Rossii: ot proshloga k nastojashchemu. Antropologija*. Ch. II. M.: Staryj sad, 2000. S. 217–242.
21. *Hohlov A. A., Mimohod R. A. Kranilogija naselenija stepnogo Predkavkaz'ja i Povolzh'ja v postkata-kombnnoe vremja* // *Vestnik antropologii*, 2008. Vyp. 16. S. 44–70.
22. *Hudaverdjan A. Ju. Naselenie Armjanskogo nagor'ja v epohu bronzy. Etnogenез i etnicheskaja istorija*. Erevan: Van Ar'jan, 2009.
23. *Hudaverdjan A. Drevnejshie obshchnosti Kavkaza — v dialoge mirov (antropologicheskij etjud)*. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing AG & Co. KG, 2011. 299 s.
24. *Shevchenko A. V. Antropologija naselenija juzhno-russkikh stepej v epohu bronzy* // *Antropologija sovremennoi i drevnego naselenija Europejskoj chasti SSSR*. L.: Nauka, 1986. S. 121–215.
25. *Shevchenko A. V. Antropologija naselenija juzhno-russkikh stepej v epohu bronzy* // *Antropologija sovremennoi i drevnego naselenija Europejskoj chasti SSSR*. L.: Nauka, 1986. S. 121–215.
26. *Chernyh E. N. Formirovanie evrazijskogo «stepnogo pojasa» skotovodcheskikh kul'tur: vzgljad skvoz' prizmu arheometallurgii i radiouglerodnoj hronologii* // *Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii*, 2008. № 3 (35). S. 36–53.
27. *Bossert H. Th. Alt-Anatolien*. Berlin, 1942. 389 p.
28. *Khudaverdyan A. Yu. Indo-Europeans migrations: the origin, moving from the point of view of anthropology* // *Indian Journal of Physical Anthropology and Human Genetics*. V. 27. № 1–2. 2008. P. 183–200.
29. *Khudaverdyan A. Yu. Migrations in the Euroasian steppes in the light of paleoanthropology data* // *The Mankind Quarterly (Washington)*, 2011 (summer). Volume LI. № 4. P. 387–463.
30. *Wooley L. Alalakh*. Oxford, 1955. Tabl. LV, V (AT 49/17), X (AT 47/28). 458 p.

H. B. Пикатова

**РУССКАЯ ПРЕССА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛАННИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРСИИ
Н. Г. ГАРТВИГА В ПЕРИОД ПЕРСИДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1911 гг.**

Проведён обзор публикаций русской прессы, посвящённых деятельности посланника России в Персии Н. Г. Гартвига в 1906–1908 гг.

Ключевые слова: русская пресса, конституция, меджлис (парламент), согласованная политика Англии и России в Персии, общественное мнение.

N. Pikatova

**Russian Press on the Activities of the Envoy of the Russian Empire in Persia
N. G. Gartvig in the Period of the Persian Revolution of 1905-1911**

The article gives a review of publications in the Russian press on the activities of the Russian envoy N. G. Gartvig in Persia in 1906–1908.

Keywords: Russian press, constitution, Medjlis (parliament), the coordinated policy of Great Britain and Russia in Persia, public opinion.